

Биткивская Г.В.

к. пед. наук,

доцент кафедры теории, истории и методики

преподавания зарубежной литературы

Киевского университета

имени Бориса Гринченко

ФАУСТОВСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ А. ЧЕХОВА

Обращение к фаустовской теме в творчестве А. Чехова присутствует в исследованиях, посвященных изучению связей Гете и Чехова. Интерес к названной теме проявляется в работах Л. Громова, В. Катаева, Г. Бялого, Е. Толстой, Н. Разумовой, М. Семановой и др. обстоятельный обзор научной литературы по этому вопросу осуществлен в диссертации Т. Коваленко «И. В. Гете в восприятии А. П. Чехова и литературно-критический процесс 60-90-х годов XIX века» [2].

Исследователи преимущественно выполняют сопоставительный анализ произведений Гете («Страдание юного Вертера», «Фауст») с такими произведениями Чехова, как «Скучная история», «Черный монах», «На пути», «В усадьбе», «Огни», «Степь», «Невеста», «Страхи», «Хорошие люди», «Чайка», «Три сестры» и др. Относительно «Фауста» наблюдаются следующие аспекты сопоставлений: Фауст (ученый, увлеченный наукой) — Вагнер (человек, любящий себя и свои достижения в науке), разочарование казалось бы состоявшегося ученого в прожитой жизни, образ ученого как таковой, мотив труда и т. п.

Мотив соглашения ученого (либо просто человека) с представителем преисподней обычно не рассматривается, хотя в рассказе Чехова «Сапожник и нечистая сила» он получает интересную интерпретацию. Это произведение в массиве исследуемых текстов практически не приводится, единственное беглое упоминание нам встретилось в работе профессора С. Абрамовича [1, с. 102].

Год создания рассказа «Сапожник и нечистая сила» был особенным для писателя, поскольку в марте 1888 г. состоялся дебют Чехова в «толстом» журнале — в «Северном вестнике» была напечатана повесть «Степь». Сам факт публикации в журнале для многих служил своего рода признанием литературного успеха, например, А. Скабичевский 22 июля 1888 г. писал: «До последнего времени он (Чехов. — Г.Б.) губил свой талант легковесной стряпней, которую он помещал в различных газетах, не отличаясь большой разборчивостью относительно чистоплотности органов, в которых он печатался. Ныне же он принялся за работу гораздо серьезнее...» [4, с. 615]. Кроме того, один из авторитетнейших чеховедов А. Чудаков определяет этот год переломным, потому что в творчестве Чехова окончательно закрепились объективная манера повествования [7, с. 61].

Чехов опубликовал рассказ «Сапожник и нечистая сила» в «Петербургской газете» 25 декабря 1888 г. [4, с. 665]. К какому разряду отнести его: «легковесной стряпни» или серьезных произведений? Сам автор был им недоволен и писал: «Мне стыдно за него». Свидетельством низкой оценки рассказа является и орган печати, по словам А. Чехова, «Петербургская газета» все съест. Однако, как отмечено в примечаниях к Полному собранию сочинений и писем, готовя рассказ для собрания сочинений, А. Чехов многое в нем изменил. Это не осталось незамеченным. После публикации критика отметила углубление содержания, расширение эмоциональных пластов: кроме юмора, трагизм человеческого существования, печальная нота финала [Там же, с. 665].

Обратимся непосредственно к тексту рассказа. Это небольшое произведение, около 6 страниц. Сюжет довольно простой, но с фантастическим элементом: сапожник обращается к черту с просьбой сделать его богатым, за это он готов отдать душу. Вскоре оказывается, что образ жизни богатого человека (каким его представляет главный персонаж) невыносимо скучен, а наказание неизбежно...

Уже первое предложение «Был канун Рождества» готовит читателя к чему-то неожиданному: ведь именно в такие дни и происходят чудеса.

Сапожник Федор Нилов должен непременно к утрени сшить сапоги, чем он очень недоволен: «Жизнь каторжная! Одни люди спят давно, другие гуляют, а ты вот, как Каин какой, сиди и шей черт знает на кого...» [4, с. 222]. Чертыханье Федора не случайно.

Несколько деталей создают в начале рассказа таинственную атмосферу. Читателястораживает портрет заказчика, для которого и сшьются эти сапоги: «Это был господин мрачного вида, длинноволосый, желтолицый, в больших синих очках и с сиплым голосом. Фамилия у него была немецкая, такая, что не выговоришь» [Там же]. Необычное впечатление усиливает «чужая» (не русская) фамилия и занятия неопределенного рода: заказчик что-то толчет в ступке, а в комнате у него слышен запах серы и жженных перьев. Портрет и род занятий заказчика поданы с точки зрения невежественного Федора, что позволяет автору сохранять дистанцию от изображаемых событий, а сапожнику сделать вывод относительно «благонадежности» странного типа: «Кто Бога боится, тот не станет заниматься такими делами» [Там же].

Казалось бы, Федор должен испугаться, однако его сознание занято тяжелой думой о своей бедности, беспросветной жизни, «о богачах, об их больших домах, каретах, о сотенных бумажках... Как было бы хорошо, если бы у этих, черт их подери, богачей, потрескались дома, подошли лошади, полиняли их шубы и собольи шапки! Как было бы хорошо, если бы богачи мало-помалу превратились бы в нищих, которым есть нечего, а бедный сапожник стал бы богачом и сам бы куражился над бедняком-сапожником накануне Рождества» [Там же, с. 223].

В первой редакции рассказа эта наивная мечта изображена совсем по-другому: «стал думать о больших домах, каретах, о сотенных бумажках... Что ни говорите, а сладко воображать, как у ненавистных богачей трескаются дома, дохнут лошади, линяют шубы и шапки, как богачи мало-помалу

превращаются в бедняков, а бедный сапожник становится богатым заказчиком!» [Там же, с. 557]. Речь автора имеет стилистически нейтральную окраску, глаголы настоящего времени изображают незавершенное действие (трескаются,дохнут, линяют и т. п.), и, в общем, эти наивные мечтания лишены выразительности. Во второй редакции автор облакает желание Федора Нилова в форму несобственно прямой речи, которая органически воплощает его отчаяние, страстное желание кардинально изменить свой образ жизни. Конкретизация изображения (шапки собольи; нищие, которым есть нечего), повторы (как было бы хорошо; бедный сапожник, бедняк-сапожник), употребление просторечных выражений (черт их подери, куражился) делают речь сапожника убедительной и искренней. Наконец, несмотря на то, что условность ситуации сохраняется с помощью глаголов сослагательного наклонения, употребление прошедшего времени показывает, что в сознании персонажа мечта почти осуществилась.

Поэтому, когда при примерке обнаружилось, что у заказчика не нога, а лошадиное копыто, Федор в какой-то степени готов к этому, да и читатель тоже: вспомним синие очки, немецкую фамилию, запах серы. Чехов очень точно и лаконично фиксирует первую реакцию сапожника: «...тотчас же вскочил и в ужасе попятился к двери» [Там же, с. 224]. За этим стремительным действием следует подробное описание размышлений Федора: «Первым делом следовало бы перекреститься, потом бросить все и бежать вниз; но тотчас же он сообразил, что нечистая сила встретилаь ему в первый и, вероятно, в последний раз в жизни и не воспользоваться ее услугами было бы глупо. Он пересилил себя и решил попытать счастья» [Там же, с. 224]. Действия Федора усиливаются словами повествователя: обороты речи явно не могут принадлежать сапожнику, ведь недаром выше приведены образцы его разговора.

Эта «сообразительность» сапожника сыграет свою роль и тогда, когда он откажется сразу подписать соглашение с чертом. Эта его реплика, как и все другие, выдержана в соответствующем стилистическом ключе: «Ваше

благородие! Когда вы мне головки заказывали, я не брал с вас денег вперед. Надо сначала заказ исполнить, а потом уже деньги требовать» [Там же, с. 225].

Чехов излагает множество деталей в жалобах Федора, которые, казалось бы, не имеют отношения к месту, однако они важны для создания общей картины его жизни, также, как и его привычки или мечты о недостижимом раньше богатстве, которые с изменением социального статуса фактически не изменились. Особенно красноречивым в этом отношении является описание обеда новоиспеченного высокоблагородия с его же точки зрения: «Какое богатство! Подали лакеи большой кусок жареной баранины и миску с огурцами, потом принесли на сковороде жареного гуся, немного погоды — вареной свинины с хреном. И как все это благородно, политично! Федор ел и перед каждым блюдом выпивал по большому стакану отличной водки, точно генерал какой-нибудь или граф. После свинины подали ему каши с гусиным салом, потом яичницу со свиным салом и жареную печенку, и он все ел и восхищался. Но что еще? Еще подали пирог с луком и пареную репу с квасом. “И как это господа не полопаются от такой еды!” — думал он. В заключение подали большой горшок с медом» [Там же, с. 225].

Соединение в одном описании несобственно-прямой, прямой речи главного персонажа и речи повествователя передает эмоциональную взволнованность сапожника, его счастливую удовлетворенность ситуацией («ел и восхищался»). Чехов во второй редакции рассказа ввел реплики, которые выражали душевное состояние Федора: фраз «Какое богатство!», «И как все это благородно, политично!», «точно генерал какой-нибудь или граф» в первой редакции не было. Форма несобственно-прямой речи, употребление просторечий позволяет увидеть просходящее глазами Федора, что можно воспринимать как подтверждение реальности происходящего.

Казалось бы достаточно самого черення блюд для понимания того, что перед нами действительно богатый сапожник, но автор указывает и, на первый взгляд, второстепенные подробности: огурцы — в миске, гусь — на

сковороде, водка стаканами, мед в горшке. Перечисление этого «каталога» подтверждает, что Федор Нилов остался прежним сапожником, над которым все потешаются. Реплики беса в синих очках (эта деталь в тексте рассказа постоянно употребляется при появлении нечистой силы) звучат иронически. На вопрос, доволен ли он обедом, Федор ответить не может, так ему тяжело. О его состоянии сообщает повествователь: «Но Федор не мог выговорить ни слова, так его распирало после обеда. Сытость была неприятная, тяжелая...»

Сапожник показан также и в отношениях с другими персонажами, например, Кузьмой Лебядкиным из Варшавы. Он унижает его, действительно куражится над ним, отказывается платить за работу деньги. Эта сцена напомнила Федору, как измывались над ним самим. Он ищет утешения в пересчитывании денег, но «чем дольше он считал, тем недовольнее становился».

В редакции рассказа для «Петербургской газеты» были акцентированы негативные черты характера Федора: он доводит Лебядкина до слез, после совета черта послать Марье рублей десять, решает послать только три рубля и т. п. Во второй редакции эти подробности не приводятся, то есть автор сосредотачивается не на изображении мелочности и скупости, а душевного состояния Федора. Сначала это радость, а потом скука. Получается, что ни сытный обед, ни «мудреное» обращение с Кузьмой Лебядкиным, ни молитва в церкви не могут развеять гнетущую тоску Федора от этой жизни «анафемской», как он сам говорит. Одной из причин такого положения вещей является беспросветное невежество сапожника, которое маркировано в тексте множество раз, но особенно выразительно в конце рассказа: «Черти слетались со всех сторон и кричали: — Дурак! Болван! Осел!» Эти же слова слышит проснувшийся Федор от заказчика в синих очках.

Сон научил Федора жизненной мудрости: «Теперь ему казалось, что богатым и бедным одинаково дурно. Одни имеют возможность ездить в карете, а другие — петь во все горло песни и играть на гармонике, а в общем всех ждет одно и то же, одна могила, и в жизни нет ничего такого, за что бы

можно было отдать нечистому хотя бы малую часть своей души» [Там же, с. 228].

Обоснованием возможности рассмотреть этот рассказ в контексте фаустовской темы могут быть слова А. Чудакова: «Рассказы и повести Чехова ощущают себя не как самостоятельные и завершенные феномены мирового текста, но как куски из него не вырезанные, а лишь не до конца вынутые, только для детального рассмотрения лишь осторожно приподнятые над бегущей бесконечной живой лентой — так, что связующие нити, соседи остались не разорванными в начале и сохраненными в конце, продолжая служить вечному кровотоку бытия» [6, с. 621].

Связующие нити можно установить с мировым текстом, в котором созданы как стилистические соответствующие варианты мотива Фауст — Мефистофель, наполненные благородными идеалами в возвышенном словесном воплощении, так и пародийные. В рассказе «Сапожник и нечистая сила» мы видим пародийное воплощение фаустовской темы, которое проявляется в оперировании в произведении двумя семантическими системами. Юрий Тынянов называл такое явление пародичностью (в отличие от пародии, когда в одном произведении просматривается второе произведение) [3, с. 290]. Одной из таких систем является текст трагедии И.В. Гете «Фауст», а другой — рассказ Чехова. Сниженный характер желаний и образа жизни Федора Нилова особенно рельефно воспринимается в сравнении с нравственными исканиями и заблуждениями Фауста. Впрочем, сам черт в синих очках, который в реальной жизни оказывается пиротехником, также является упрощенной схемой Мефистофеля: сложность персонажа, который «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», сведена до немецкой фамилии и запаха серы.

В отношениях с женщинами Федор комичен и в реальной жизни, и в своих мечтаниях: красивые барышни не замечают сапожника и смеются с его красного носа, жена Марья может его больно поколотить, новая жена — барыня — строго выговаривает за грубое обращение. Таким образом, речь,

поступки героя и его отношения с другими персонажами создают не идеальную, а комическую (пародийную) сферу.

В то же время связующие нити просматриваются и с другими произведениями Чехова, написанными в эти годы. Например, многие исследователи (Л. Громов, В. Катаев и др.) проводят параллели между «Фаустом» и «Скучной историей», которая была опубликована почти через год после анализируемого рассказа. Профессор Николай Степанович («русский Фауст») — интеллектуальная, драматическая фигура, казалось бы, ничего общего с невежественным Ниловым. Однако оба персонажа вследствие происходящих с ними событий сделали заключение, которое определенным образом успокоило их нравственные терзания, т. е. они нашли «общую идею», связанную с понятием души. Для сапожника Федора она состоит в отрицании любых соглашений с нечистой силой, для Николая Степановича — в понимании того, что для душевного покоя необходима такая идея: «Я гляжу на нее (Катю. — Г.Б.), и мне стыдно, что я счастливее ее. Отсутствие того, что товарищи-философы называют общей идеей, я заметил в себе только незадолго перед смертью, на закате своих дней, а ведь душа этой бедняжки не знала и не будет знать приюта всю жизнь, всю жизнь!»

Исследование фаустовской темы в творчестве А. Чехова мы бы хотели продолжить. Один из возможных аспектов работы — изучение предметно-пространственной организации текстов, их эмоционально-смыслового значения.

Использованная литература:

1. Абрамович С.Д. Конспект лекцій з спецкурсу «Світова Фаустіана». — Чернівці: ЧДУ, 1992. — 113 с.
2. Коваленко Т.В. И. В. Гете в восприятии А.П. Чехова и литературно-критический процесс 60-90-х годов XIX века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — М., 2004. — 171 с.

3. Тынянов Ю.Н. О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — С. 284–310.
4. Чехов А.П. Сапожник и нечистая сила // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. — Т. 7. — М.: Наука, 1985. — С. 222–228, 556–561, 665.
5. Чехов А.П. Скучная история // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. — Т. 7. — М.: Наука, 1985. — С. 251–310.
6. Чудаков А.П. Вторая реплика // Чеховиана: Вып. 11. — М.: Наука, 2007. — С. 617–626.
7. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. — М.: Наука, 1971. — 292 с.